

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ И ВОПРОСНИКОВ О НАРОДАХ ПОВОЛЖЬЯ XVIII — НАЧАЛА XX ВВ.

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ ПОЗДЕЕВ

(Вятский государственный университет:
Российская Федерация, 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36)

***Аннотация.** С XVIII века вплоть до наших дней материалы по инструментарию и вопросникам по народам Поволжья можно видеть в различных источниках: публикациях в историко-этнографических журналах, местной периодике, отдельных изданиях. Современный этап этнологии, фольклористики и диалектологии характеризуется наличием нескольких актуальных методологических парадигм: структурно-семиотической, историко-культурной, герменевтической, этнопсихолингвистической. Каждая методология, в частности, инструментарий и вопросники, отражающие аспекты этой методологии, предполагают особый подход к материалу, который необходимо выявить, зафиксировать и проанализировать. В статье представлены основные тенденции развития инструментария и вопросников для фиксации этнических маркеров народов Поволжья с XVIII до начала XX века.*

***Ключевые слова:** инструментарий, вопросники, народы Поволжья, фольклор, этнография, полевые исследования.*

История фольклористики, этнографии и диалектологии привлекала и привлекает исследователей прежде всего с точки зрения персоналий и событий, которые оставили значительный след в собирании и изучении фактического материала. В настоящее время достаточно полно исследована история фольклористики и этнографии в XVIII — XX веках, описаны тенденции и важные события в истории фольклористики XX века¹.

Однако обобщающих работ по эволюции инструментария и вопросников, которые, начиная с XVIII века, использовались в полевых исследованиях, до сих пор представлено не много. Нет и анализа тех

методов, которые применяли собиратели в разные периоды.

На наш взгляд, инструментарий полевых исследований — это совокупность методов, приёмов, элементов исследования, которые применяются в поисках, отслеживании, фиксации различных фактов материальной и духовной культуры. В полевой этнографии, фольклористике, диалектологии инструментарий — это организация полевых исследований, качественный и количественный состав участников, методы опроса, фиксация на разных носителях и т. п.

Инструментарий и вопросники для фиксации этнических особенностей, ма-

¹ См.: Иванова Т. Г. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993; Она же. История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 гг. СПб., 2009; Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь / Под ред. Т. Г. Ивановой. Т. 1: А — Г. СПб., 2016.

териальной культуры и фольклора начали формироваться в XVIII веке. С этого времени в художественных и историко-этнографических журналах, в местной периодике, в отдельных изданиях публиковались материалы по инструментарию и вопросам, которые отражали аспекты разных методологических подходов к фольклорно-этнографическому материалу, его выявлению, фиксации и анализу.

В XVIII в. историко-этнографические аспекты исследования базировались, в основном, на культурно-историческом методе. Для него было характерно описание общих и некоторых частных, порой формальных, фактов. Такой подход требовал составления только общих вопросов. Большое значение для развития географии, биологии, а также этнографии в России во второй половине XVIII в. имели академические экспедиции 1768–1774 гг. Пятью экспедициями был собран большой научный материал о природе, хозяйстве и населении страны. Изначально эти экспедиции были направлены на выяснение различных внешних природных признаков (особенностей флоры, фауны), общее понимание того, чем богаты недра исследуемых регионов. Можно сказать, что ещё одной целью путешественников-исследователей являлось описание разных народов, населяющих Россию. Собранный с применением таких методик материал мог показывать определённый уровень развития этносов, фиксировал их особые маркеры.

Эти сведения можно найти в материалах экспедиций И. И. Лепёхина, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. Г. Георги, И. И. Гмелина, Н. И. Делиля, П. И. и Н. П. Рычковых. В их публикациях прослеживается, по каким параметрам велось фиксирование материала, как происходила фиксация. Многие материалы экспедиций построены по однотипному образцу: сообщается о прародине этноса, о его расселении по Приволжским землям, об антропологических особенностях, о жилищах и поселениях, о религии. Самые спорные вопросы в этих описаниях связаны с происхождением и религией.

Интерес представляли прежде всего различного рода языковые (диалектные), этнографические, фольклорные компоненты традиций, которые

репрезентируют принадлежность к тому или иному этносу. В частности, Петер Симон Паллас (путешествие 1768–1769 гг.) в предисловии написал, как он старался «надлежаще наблюдать» и собирать всё, касающееся нравов, обычаев, верований, преданий, памятников и разных древностей [Паллас 1788]. Он вносит в дневные записи сведения о различных «физических» и других сторонах жизни исследуемых губерний. Путешественник-исследователь больше обращал внимание на топографию, природные и биологические ресурсы; в меньшей степени — на духовную составляющую жизни народов.

Особое место занимали народы Поволжья, так как путешественники, проезжая через их земли на Урал и в Сибирь, фиксировали их этнические особенности. В частности, жизнь таких народов как мари, удмурты, башкиры, мордва, татары, русские.

Организацию самых первых этнографических поездок, проходивших в XVIII столетии, осуществляли учёные иностранного происхождения. Такие экспедиции часто не имели необходимого состава сотрудников. Так, экспедиция Даниэля Готтлиба Мессершмидта не располагала исследовательским штатом: не было даже писаря или сведущего помощника. Мессершмидта сопровождали два солдата и двое слуг, оказывал помощь торговый агент швед Лоренц Ланг, позже в состав экспедиции вошли ссыльные пленные — шведские офицеры Карл Густав Шульман, Петер Кратц, а также переводчик и охотник. Попутно с описанием природных богатств исследователи фиксировали быт и обычаи разных народов.

Однако позже в экспедициях принимали участие и так называемые «академические студенты»: Степан Петрович Крашенинников (1713–1755), Николай Яковлевич Озерецковский (1750–1827), Василий Фёдорович Зуев (1754–1794), которые впоследствии и сами возглавили экспедиции. В 1791 году выходит труд Герхарда Фридриха Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков...». Миллер опубликовал наблюдения 1743 года, когда возвращался из Камчатской экспедиции. Свообразный план наблюдений автор приводит непосредственно в названии:

- с показанием их жителя;
- политического учреждения;
- телесных и душевных дарований;
- какое платье носят;
- от чего и чем питаются;
- о их торгах и промыслах;
- каким языком говорят;
- о художествах и науках;
- о естественном и вымышленном их языческом законе;
- тако ж о всех употребительных у них обрядах, нравах, обычаях;
- с приложением многочисленных слов на семи разных языках. Как то: казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском;
- и приобщённым переводом Господней молитвы «Отче наш» на черемисском и чувашском языках.

Миллер, Паллас и другие исследователи-иностранцы часто фиксировали наблюдения на родном языке. Впоследствии для публикаций были сделаны переводы на русский (так, книга Палласа была опубликована на латинском, немецком и русском языках). Очевидно, что при записях и переводах что-то терялось. Ещё одна особенность работы исследователей того времени: многие из них не владели языками местных народов, поэтому прибегали к помощи «толмачей». Миллер писал, что помощь оказывали «толмачи» губернской канцелярии.

Формой фиксации материала были дневники путешественников, на которые затем опирались последователи. Так, составленный Д. Г. Мессершмидтом путевой дневник был использован и частично опубликован во второй половине XVIII в. Палласом и Стеллером, а в XIX в. — Брандтом.

Итак, в XVIII в. инструментарий исследователей был достаточно ограничен в способе записи, методах опроса, организации полевых исследований, в качественном и количественном составе участников опроса. Фиксация производилась только на бумажных носителях. Развёрнутых специальных вопросников не было.

На протяжении XIX в. методология меняется и совершенствуется. Однако начало XIX столетия не принесло больших изменений в организации экспедиций. Хотя надо отметить, что у исследователей

начали появляться целенаправленные установки на соби́рание не только «внешних» данных о народе, но и на фиксацию произведений фольклора. Так, в 1837–1838 гг. П. Н. Киреевский написал специальную «Песенную прокламацию», т. е. обращение к местной интеллигенции о соби́рании памятников народной поэзии. Он особенно подчёркивал необходимость соби́рания духовных стихов. «Прокламация» включала общие замечания о значении и важности народных песен и практические указания соби́рателям. П. Н. Киреевский советовал сначала записывать песни со слов, потом проверять с голоса, «ибо люди, привыкшие петь песни, обыкновенно лучше вспоминают их, когда поют, нежели сказывают» [цит. по: Азадовский, 1958, 335].

Методика требовала обязательной записи каждой песни, которую услышит соби́ратель, «слово в слово». Важно было записать все песни, вне зависимости от их «кажущейся ценности <...> какой бы нескладной, незначительной и даже бессмысленной она ни представлялась ему, — отмечал Киреевский, — Иногда поющий смешивает части нескольких песен в одну, и настоящая песня открывается только при сличении многих списков, собранных в различных местах» [цит. по: Азадовский 1958, 335–336]. Как писал в истории русской фольклористики М. К. Азадовский, это «свидетельствует о большой опытности самого автора» (П. Н. Киреевского) [Азадовский 1958, 335].

Пристальное внимание к различным народам Поволжья, их истории и культуре возникает в первой половине XIX века. Особое место в этом сыграло Императорское русское географическое общество. Члены общества обращают внимание на исследование народов Поволжья; в изданиях РГО публиковались многочисленные статьи о чувашах, черемисах, удмуртах [Верещагин 1886. Т. 14]. Именно в это время создаётся основа методологии полевых исследований. Важными источниками методологии являются те вопросники, которые распространялись сказочной комиссией и другими подразделениями РГО.

Несколько расширяется инструментарий соби́рателей. Так, в работе «Материалы для этнографии России. Казанская

губерния» [Риттих 1870] автор приводит некоторые сведения о подготовке и проведении экспедиций в Казанскую губернию. Он, в частности, отмечает, что подготовительный период (накопление материалов) происходил на протяжении пяти лет, то есть можно сказать, что автор вёл включённое наблюдение. «Наблюдению и знакомству с этими племенами помогла особенность моей службы. Так, во время рекрутских наборов в Казани и Саратове я имел случай изучить в массе физическое сложение каждого из описываемых племён. Служебные и частные разъезды по губернии дали мне некоторое понятие о их быте и жизни. Постоянные сношения с инородцами солдатами в резервных батальонах и полках способствовали не мало подметить характеристические черты разных национальностей, тогда как разговоры и расспросы о нраве и наклонности, при постоянном сравнении тех и других выводов, убедили, наконец, в справедливости установившихся в известной степени понятий» [«Материалы для этнографии России. Казанская губерния» 1870, I–II]. Риттих также писал о том, что раньше сведения получались исключительно о религиозном состоянии, были многочисленные ошибки в описаниях, также сведения могли быть доставлены до исследователя «в самом извращённом виде». Важную роль в организации и проведении различных экспедиций и опросов играло начальство губернии, уезда. Так, сам Риттих, при содействии губернатора, через исправников получил «достаточно верные сведения о народонаселении»; через секретаря казанского статистического комитета Н. Н. Вечеслова — материалы комитета, статистическую таблицу Казанской губернии. Это позволило ему составить карту народонаселения (возможно, одну из наиболее полных на тот период времени). Риттих писал, что при составлении карты необходимо было наносить не только сёла, но и деревни с мечетями, а также дороги, леса, болота, гидрографию края, чтобы показать пестроту населения, так как «сама местность имеет некоторое влияние на быт поселенцев» [«Материалы для этнографии России. Казанская губерния» 1870, III]. Таким образом, он описал быт и хозяйственную деятельность татар, мецдеряков, чувашей, черемисов, вотяков, мордвы.

Организация экспедиций и записей всегда опиралась на предшествующие материалы. Риттих много сведений почерпнул из разных изданий, описывающих исторические, этнографические и фольклорные реалии. Например, он использовал статью Василия Афанасьевича Сбоева, в которой приводились сведения о чувашах [Сбоев 1856]. Сам В. А. Сбоев, проживая среди чувашей на протяжении долгого времени, фиксировал сведения в своём дневнике. Он писал: «Я пресвело разъезжаю по чувашским сёлам и деревням и едва ли даже воспользуюсь убежищем для хандры, которое добрый товарищ наш Н. В. Рат благосклонно приготовил мне в Цивильске. Дело в том, что чуваша — мои старые знакомцы. Назад тому лет двадцать пять я имел и случай, и обязанность изучить их язык и быт. Прожить четверть столетия — не поле перейти; много воды утекло в это время; многие из моих сведений о чувашах сами могли перемениться. Вот почему особенно приятно для меня теперь возобновить моё знакомство с ними, прислушаться к их языку, вникнуть в их настоящий быт, вспомнить прежнее, былое и сравнить его с теперешним состоянием этого народа. <...> Я выписываю Вам из моего дорожного журнала, где впечатления, быстро схваченные, также быстро и записывались, и где не поместились только мои воспоминания, им же несть конца. <...> Принимаясь за перо для изображения чувашских оригинальных праздников, я прежде всего считаю нужным сказать Вам, Ал. Ив., что буду писать частью как самовидец, как *testis oculatus*, частью, как *testis auritus*, или, говоря по-крещёному, как человек, заимствовавший многие сведения об этом предмете из рассказов достоверных людей и особенно из сказаний И. Ст. Протопопова, который долгое время был сельским священником...» [цит. по Сбоев 2004, 7, 24].

Риттих заимствовал сведения о татарах, чувашах и черемисах из записок Александры Андреевны Фукс, о горных черемисах — из статьи Петра Васильевича Знаменского. О последней он писал, что та отличается «характеричностью и положительностью собранных сведений» [Материалы... 1870, IV].

Риттих достаточно высоко оценивал работы Миллера, Палласа, Лепёхина,

Эрдмана. Но, по его мнению, они уже тогда «более принадлежали истории, чем действительности». У Риттиха были своеобразные «корреспонденты», которые снабжали его различными материалами по народностям: миссионер Макарий доставил алтайско-татарские слова, Николай Иванович Золотницкий (инспектор чувашских школ) снабдил брошюрами об обучении чувашей, Николай Иванович Ильминский — о крещёно-татарских школах. Интересен опыт фиксирования одежды разных народов Поволжья, который использовал Риттих: при встрече цесаревича в Казани он делал снимки одежды и её частей «выборных разных народов». Кроме того, по заданию Риттиха капельмейстер И. В. Гусев положил на ноты мотивы песен, наигрышей на гусях, скрипке чувашей, черемисов, татар.

Конец XIX — начало XX вв. ознаменовались продолжением интереса к «иностранцам» Поволжья. Так, Иван Николаевич Смирнов составил несколько историко-этнографических очерков народов Поволжья под общим названием «Восточные финны, историко-этнографический очерк»: т. I. «Приволжская, или Булгарская, группа» — ч. I. «Черемисы», ч. II. «Мордва»; и т. II. «Прикамская, или Пермская группа» — ч. I. «Вотяки», ч. II. «Пермяки» (печатались в «Трудах Казанского общества истории, археологии и этнографии»). В предисловии к одному из них Смирнов писал, что те очерки, которые он публикует, возникли из отчётов по итогам экспедиций весны 1888 г. для «исследования и собирания предметов их быта» [Смирнов 1889]. В этих историко-этнографических очерках И. Н. Смирнов придерживается уже сложившегося принципа построения: очерк истории; основные занятия народа, то есть внешний быт; семейные и общественные отношения; культ предков; воззрения на смерть и погребальные обряды; верования и культ; религиозные верования; праздники и обряды. Такому делению соответствовали разделы и в программе-вопроснике, составленной И. Н. Смирновым. Своё видение задач собирания на местах сведений об этнографии разных народов он изложил в брошюре «Задачи и значение местной этнографии» (Казань, 1891).

В 1889 г. в «Трудах этнографического отдела Императорского общества

любителей естествознания, антропологии и этнографии» в предисловии автор объявляет: «принимая на себя по поручению Отдела этнографии редактирование Сборника о быте русских крестьян, считаю долгом сказать несколько слов о причинах, вызвавших издание его. Вследствие издания Обществом “Программы для собирания сведений об юридических обычаях” и “Программы для собирания этнографических сведений” в Отдел стал стекаться более обильный материал как по инородцам, так и по русскому крестьянскому населению. <...> Вообще, нельзя не пожелать, чтобы именно жители разных местностей России употребляли часть своего времени на собирание данных, касающихся быта русского крестьянского населения. Проезжий исследователь, имея лишь немного времени в запасе, в большинстве случаев в состоянии лишь бегло узнать быт крестьянина, увидеть лишь выдающиеся черты крестьянской жизни. В этом отношении местный житель имеет то преимущество перед заезжим исследователем, что он, сталкиваясь ежедневно с крестьянином, усматривает не только крупные, выдающиеся факты его жизни, но имеет возможность изучать её во всех деталях и представить точную, правдивую картину крестьянского быта. Не касаясь общих правил, руководствоваться которыми является необходимым при собирании сведений о быте крестьянина, так как они изложены с должной полнотой в предисловиях Программ для соб. юр. сведений, отмечу, что изучение быта нашего крестьянина, несмотря на многочисленные работы, появившиеся уже в печати, представляется существенно необходимым в виду того, что с каждым годом, с каждым днём прежние формы быта нашего крестьянина рушатся под напором т. наз. городской культуры, уничтожающей остаток древних, вековых устоев крестьянской жизни. Собрать оставшиеся обломки, могущие осветить многие стороны древнего быта, существенно важно для науки. Но и изучение быта тех местностей, где городская культура имеет перевес, даже тех местностей, где она уже успела заполнить, разрушить древний быт, далеко не лишено интереса, так как оно знакомит нас с тем, как ужились новые взгляды, новые идеи с прежним бытом... Такое изучение,

не ограничиваясь исключительно *научным интересом*, способствует нашему общественному самопознанию, верному суждению о крестьянах. Поэтому каковы бы ни были данные, освещающие крестьянский быт, в какой бы местности они ни были собраны, — они с благодарностью будут приняты Отделом, хотя бы присылаемые сведения содержали ответы лишь на один вопрос, касающийся быта крестьянина... Поэтому пусть не стесняются желающие работать ни скудностью материала, ни его кажущейся безинтересностью, имея в виду, что своей работой они приносят посильную дань изучению быта нашего крестьянина» [Сборник сведений... 1889, I–II].

Ещё пара замечаний отсюда же:

«Другим капитальным вопросом, к которому было бы желательно привлечь внимание возможно большего количества работников, является вопрос об ассимиляции, обрусении местных инородцев».

«Для того, чтобы легче можно было ориентироваться среди материала, селения следует разделить на несколько определённых категорий, руководствуясь силой русского или инородческого элемента». Автор предлагает разделить поселения на семь категорий и далее приводит вопросник: «Позволю себе наметить по несколько вопросов, которые было бы желательно иметь в виду при исследовании каждой из названных категорий. <...> В том случае, если материал на основании намеченной программы будет поступать в достаточном количестве, можно будет приступить к составлению специальной карты уезда или целой губернии, на которой категории можно было бы обозначать особыми знаками или лучше красками. Подробности, доставленные корреспондентами сообразно с вопросами программы, можно свести в особую *легенду* к карте. Для каждой категории карты должен быть в таком случае особый параграф, в котором были бы резюмированы все ответы на соответствующие вопросы и показано в скобках, из какой местности на какой вопрос получен ответ, сколько получено однородных ответов, сколько противоречивых» [Сборник сведений... 1889, 5, 7, 10–11].

В «Программе для собирания местных этнографических сведений, изданной Императорским русским географическим

обществом», предполагались к изучению следующие параметры:

1. физические свойства, наружность, внешние признаки и т. п.;
2. умственное и нравственное развитие;
3. язык, народные предания и памятники;
4. домашний быт.

«Императорское русское географическое общество с полным доверием обращается к жителям губерний с покорнейшей просьбой заняться на местах собиранием сведений и составлением местных описаний для доставления в Общество. Доставка этих сведений, хотя бы самых коротких и хотя бы по какой-либо одной статье программы, будет принято Обществом с искренней признательностью» [Программа 1889, 1–8].

Подобных программ за весь XIX и начало XX века было создано достаточно много, они были очень разнообразны по тематике и охвату материала. Созданием их занимались учёные под эгидой Русского географического общества, Российской академии наук, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и др. (см. Приложение).

В предисловии «От Комиссии по народной словесности при этнографическом отделе Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» отмечалось, что «собрание произведений народного творчества в настоящее время должно расширить свои рамки и производиться с большей тщательностью ввиду того, что многое из произведений народной поэзии исчезает под влиянием книги и распространяющегося школьного обучения» [Программа 1915, 3].

Программа должна была облегчить труд собирателя. Она состоит из «Общих замечаний», в которые входят: «Что записывать?», «Как записывать?», «От кого надо записывать?», «Какие сведения дать при каждой записи народных произведений?», далее под литерами:

- А) как записывать песни;
- Б) как записывать рассказы разного содержания;
- В) как записывать заговоры;
- Г) как записывать пословицы;
- Д) как записывать загадки;
- Е) как записывать народные драматические представления.

Всего приводилось 140 вопросов. В конце «Программы» авторы обращают внимание на то, что необходимо, «кроме вышеуказанных произведений народной словесности, записать и такие слова и выражения, которые до некоторой степени отражают мировоззрение народа и являются результатом его творческой фантазии:

- записать пожелания добрые и приветствия;
- записать пожелания злые и проклятия;
- записать приговоры пастухов, продавцов, выкрики разнощиков;
- записать детские “считалки” и прибаутки» [Программа 1915, 16].

В разделе «Как записывать?» оговаривается, что надо записывать **точно** (выделено авт.): не надо стесняться повторений, нескладной речи, грубых или «слишком откровенных выражений» [Программа 1915, 5].

Записывать надо на том языке, на котором говорят. Важное замечание помещено в сноске: «Записи у инородцев должны быть сделаны на их языке с полной точностью, и к тексту должен быть приложен подстрочный русский перевод, а не литературный пересказ. Если подстрочный перевод тёмен по смыслу, то его надо особо пояснить или в примечании, или вынести объяснения в скобку, вслед за неясной фразой» [Программа 1915, 5].

По возможности сохранять «любимые словечки», «склад речи говорящего», «отмечать ударения, если они отличаются от литературного». Для большей точности и полноты рекомендовалось использовать фонограф или стенографировать. Необходимо записывать **от каждого** всё, что ему известно. Предполагалось, что собиратель довольно точно запишет «биографию» исполнителя. При описании песен, которые входят в какой-либо обряд, рекомендовалось «если можно, употребить кинематограмму; если нет фотографического аппарата, сделать, если можно, рисунок действий и предметов» [Программа 1915, 8].

В Программе также говорится, что необходимо указывать, как относятся «старое и молодое поколение (серьёзно, шутивно, пренебрежительно) к произведению народной словесности». Далее необходимо было «отметить настроение слушающих, их отношение к рассказу,

замечания присутствующих» (об игре) или о пословицах (указать, что вызывает улыбку), о том, «почему дано то или иное прозвище» [Программа 1915, 15]. При описании драматических представлений необходимо было «указать, не вытягивают ли представляющие зрители в разговор (описать приёмы при этом вовлечении)» [Программа 1915, 16].

В 1926 году в серии «Библиотека педагога» вышла книга Александра Исааковича Никифорова «Этнография в школе, с приложением 66 программ для учащихся и учащихся по собиранию материала в разных областях этнографии и фольклора». В начале автор определил две задачи: первая — «об усилении внимания к этнографической работе в школе», вторая — «введение этнографии в школе». В теоретическом разделе автор выдвигает две формы работы по этнографии в школе: первая — «собираение этнографического материала», вторая — «школьная обработка собранного» [Никифоров 1926, 7].

А. И. Никифоров предлагает дать общую этнографическую программу, «разрезанную на большое число частных мелких программ», а также в «пределах каждой частной программы не максимум возможных вопросов, а их среднее количество» (с поправкой на школьники). Автор ссылается на публикацию Ван Геннепа: «Во всяком случае, в последнее время стали раздаваться голоса за то, чтобы и строго научные программы по собиранию этнографических материалов дифференцировались по небольшим вопросам, «коротким и посвящённым двум-трём точно поставленным проблемам» [Никифоров 1926, 43].

В 1926 г. в Казани М. А. Васильев издал «Программу для собирания русского фольклора» [Васильев 1926]. Книгу открывает раздел «Что такое фольклор?», в котором автор обращается к древним истокам фольклора. Фольклор представляется ему «энциклопедией народных знаний». Кроме того, Васильев определяет «объём фольклора», начиная с народного календаря и заканчивая народной математикой и внеобрядовой песней.

Автор делает экскурсы в прошлое, но также говорит и о настоящем науки о фольклоре, называя её «фольклороведением, или фольклористикой» [Васильев 1926, 8]. Задачей краеведа автор видит

изучение не только статики культуры, но «динамики края, т. е. намечение того, что должно быть [курсив М. А. Васильева] сделано в крае. <...> Краевед не только должен сказать, напр., что надо поднять духовную культуру края, но он должен ещё показать, как это сделать. <...> Фольклор сам подскажет, что «поднимать», искоренять в народе и чем заменять, а знание его диалектики покажет и как заменять [курсив М. А. Васильева]» [Васильев 1926, 8]. Васильев почти дословно повторяет «Программу» Императорского общества любителей естествознания, антропологии и географии в разделах «Что записывать?» и «Как записывать?». Он также отмечает, что программа «не может называться полной», собиратель сам может её направления «расширить и углубить», а также что «ей можно как ориентировочной пользоваться и для собирания фольклора других национальностей» [Васильев 1926, 13].

Программа Васильева открывается народным календарём, обрядовой поэзией. Он делит календарь на четыре времени года: весна, лето, осень, зима. В разделе «Внекалендарная обрядность и поэзия» автор выделяет: «родины, крестины, октябрины», «народную педагогику», «свадьбу», «болезнь, смерть, похороны, загробную жизнь», «колдовство и чародейство», «кладоискательство», «гадание (ворожбу)», «сновидения и снотолкования», «приметы», «народное хозяйство». В разделе «Народная мифология» автор выделяет подразделы: «Бог, ангел, святые», «черти», «прочая нечистая сила». В разделе «Народное природоведение» — «мир», «земля», «вода», «воздух», «огонь», «атмосферные осадки», «небо», «солнце», «звёзды», «кометы», «планеты», «млечный путь», «зарницы», «облака, тучи», «гроза, гром, молния», «радуга», «минералы и металлы», «растения», «животные», «человек». Кроме того, в его Программе есть разделы «Народная медицина и ветеринария», «Народная математика».

В разделе «Внеобрядовая поэзия» Васильев выделил все жанры устного фольклора: «песни», «былины, старины», «исторические песни», «духовные стихи», «легенды», «предания», «сказки», «анекдоты», «пословицы, поговорки, присловья,

прибаутки, шутки и прочее остроумие», «загадки», «скороговорки», «частушки, коротушки, припевки, страдания, ихощки, матани (последние два пункта — местные названия частушек — авт.) и проч.» Автор нацеливал последователей и на запись диалектных слов (неологизмов, варваризмов), «прозвищ, приветствий, желаний (добрых и злых), “прощаний”, зова, приглашений, просьб, насмешек, выкриков, приговоров продавцов, разносчиков, обращений нищих, попрошаек, божбы, клятв». Он упоминал в программе для записи «технические и профессиональные слова, выражения, термины, которые употреблялись на промыслах, ремёслах, производствах». В конце вопросника Васильев ориентировал на запись поэзии и языка различных социальных групп: «Запишите песни, рассказы, поговорки, специальные и технические слова и выражения правонарушителей» [Васильев 1926, 42].

В настоящее время начали активно исследоваться и разрабатываться этнолингвистический, структурно-семиотический методы, методологические и этико-психологические аспекты взаимоотношений информанта и фольклориста или антрополога. Меняется и направленность инструментария и вопросников². Анализ методологии полевых исследований, вопросников, инструментария позволяют проследить их эволюцию: от наблюдений путешественников-исследователей до профессиональных высокотехнологичных записей современности. Это показывает развитие полевых исследований как важнейшей составляющей фольклористической науки. История формирования инструментария и вопросников открывает настоящие и будущие перспективы работы с информантами по различным аспектам народной культуры. На основе анализа инструментария, методологии и вопросников для изучения народной культуры возможна выработка новых методических рекомендаций для фольклорно-этнографических, диалектологических экспедиций, фольклорных коллективов, которые ведут самостоятельные полевые записи.

² См.: Антрополог глазами информанта / Информант глазами антрополога: коллективная монография / под ред. А. С. Архиповой, Н. Н. Рычковой. М.: Форум, 2015, 368 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

- 1) Программа для собирания этнографических сведений, составленная при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Под ред. Н. А. Янчука. М., 1889. 147 с.
- 2) Программа Юго-западного отдела Русского географического общества для собирания сведений про этнографию. Киев, 1873 (2-е изд, 1875).
- 3) Программа Московской комиссии по народной словесности (Бродский Н., Гусев Н., Сидоров Н.) Русская устная словесность. Л., 1924.
- 5) Сборник программ школьных наблюдений над природой. П., 1922.
- 6) Программа для собирания сведений по этнографии (изд. РГО) СПб., 1883.
- 7) Программа для собирания местных этнографических сведений. Изд РГО, СПб., 1877.
- 8) Смирнов И. Н. Задачи и значение местной этнографии. Казань, 1891.
- 9) Программа этнографических занятий Отдела антропологии и этнографии Общества естествоиспытателей при Казанском университете, сост. Н. А. Фирсовым // Протоколы Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань, 1870.
- 10) Программа этнографического описания Юго-Западного края // Друг народа, 1870, № 25–26.
- 11) Штернберг Л. Я. Краткая программа по этнографии (применительно к быту северных народов) // Сборник инструкций и программ для участников экскурсии в Сибирь. 2-е изд. СПб., 1914. С. 214–251.
- 12) Волков Ф. К. Анкетные вопросы комиссии по составлению этнографических карт России // Живая старина, 1914. Вып. 1–2. С. 193–212.
- 13) Опыт систематической программы для собирания сведений о дохристианских верованиях якутов. Сост. Трошанский В. Ф. // Живая старина, 1911. Вып. 2. С. 247 и сл.
- 14) Программа для исследования домашнего и семейного быта якутов. Сост. Э. К. Пекарский, И. И. Майнов // Живая старина, 1913. Вып. 1–2.
- 15) Бонч-Бруевич В. Д. Программа для собирания сведений по русскому сектанству и старообрядчеству. С-Пб., 1908.
- 16) Программа для собирания этнографических предметов. Костромское научное общество по изучению местного края. Кострома, 1912.
- 17) Никольский Н. В. Программа для собирания сведений о чувашах / Известия по Казанской епархии, № 3 // Н. В. Никольский. 1904. — С. 63–72.
- 18) Никольский Н. В. Программа для собирания сведений об инородцах Поволжья. Т. XXIX. — Вып. 4. — Казань: ИОАИЭ, 1916. — С. 173–187.
- 19) Никольский Н. В. Программа для собирания сведений о чувашах. — Казань, 1910. — С. 47–48.
- 20) Труды этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Кн. 9. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. 1. М., 1889.
- 21) Издание Комиссии по народной словесности при этнографическом отделе Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии «Программа для собирания произведений народной словесности» (Изд. 2-е. М., 1915).

Источники и материалы

Азадовский 2013 — Азадовский М. К. История русской фольклористики: В 2 т. Т. 1. / Науч. ред. С. Ю. Неклюдов. 2-е изд. М.: РГУ, 2013. С. 334.

Антрополог глазами информанта 2015 — Антрополог глазами информанта / Информант глазами антрополога: коллективная монография / под ред. А. С. Архиповой, Н. Н. Рычковой. М.: Форум, 2015, 368 с.

Васильев 1926 — Васильев М. А. Программа для собирания русского фольклора.

Казань, 1926. С. 42. (Общество археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете имени В. И. Ульянова-Ленина).

Верещагин 1886 — Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // ИРГО. СПб., 1886. Т. 14, Вып. 3.

Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края // ИРГО. СПб., 1886. Т. 14, Вып. 2.

Георги 1799 — Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. 2. С. 55–67.

Иванова 1993 — *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993.

Иванова 2009 — *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 гг. СПб., 2009.

Материалы... 1870 — Материалы для этнографии России. Казанская губерния. XIV. Составил полковник А. Ф. Риттих. Ч. 1. Казань, 1870. С. I–II.

Никифоров 1926 — *Никифоров А. И.* «Этнография в школе, с приложением 66 программ для учащихся и учащихся по собиранию материала в разных областях этнографии и фольклора. М.-Л.: Государственное издательство, 1926. 42 с. (серия «Библиотека педагога»).

Паллас 1788 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1788. Ч. 3 С. 29–37.

Программа 1915 — Программа для собирания произведений народной словесности. Изд. 2-е. М., 1915.

Программа 1889 — Программа для собирания этнографических сведений, составленная при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Под ред. Н. А. Янчука. М., 1889. 147 с.

Риттих 1870 — *Риттих А. Ф.* Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Т. XIV. Казань, 1870.

Русские фольклористы 2016 — Русские фольклористы: Библиографический словарь / Под ред. Т. Г. Ивановой. Т. 1: А — Г. СПб., 2016.

Рычков 1762 — *Рычков П. И.* Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч. 1. С. 183–187.

Рычков 1770 — *Рычков Н. П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб., 1770. Ч. 1.

Сбоев 1856 — *Сбоев В. А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856.

Сбоев 2004 — *Сбоев В. А.* Заметки о чувашах. Исследования об инородцах Казанской губернии. Чебоксары: Чебоксарское издательство, 2004.

Сборник сведений... 1889 — Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.) // Труды этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Кн. 9., Вып. 1. М. 1889.

Смирнов 1889 — *Смирнов И. Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889.

Смирнов 1891 — *Смирнов И. Н.* Задачи и значение местной этнографии. Казань, 1891.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Поздеев В. А. orcid.org/0000-0002-2880-8162

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета: Российская Федерация, 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36; e-mail: slavapozd@yandex.ru

EVOLUTION OF TOOLS AND QUESTIONNAIRES ABOUT THE PEOPLES OF THE VOLGA REGION OF THE XVIII — EARLY XX CENTURIES

VYACHESLAV A. POZDEEV

(Vyatka State University

36 Moskovskaya st., Kirov, 610000, Russian Federation)

Summary. *From the XVIII century up to our days, materials on tools and questionnaires on the peoples of the Volga region can be seen in various sources: publications in historical and ethnographic journals, local periodicals, and individual publications. The modern stage of ethnology, folkloristics and dialectology is characterized by the presence of several topical methodological paradigms: structural-semiotic, historical-cultural, hermeneutic, ethno-psycho-linguistic. Each methodology, in particular tools and questionnaires that reflect aspects of this methodology, presupposes a special approach to the material that needs to be identified, documented and analyzed. The article presents the main trends in the development of tools and questionnaires for fixing ethnic markers of the peoples of the Volga region from the XVIII to early XX centuries.*

Keywords: *tools, questionnaires, peoples of the Volga region, folklore, ethnography, field research.*

References

Azadovsky M. K. (2013) The history of Russian folklore: In 2 vol. T. 1. / Nauch. Ed. S. Yu. Neklyudov. 2nd ed. Moscow: RGGU. P. 334. In Russian.

Anthropologist through the eyes of the informant / Informant through the eyes of an anthropologist: collective monograph (2015) Eds. A. S. Arkhipova, N. N. Rychkova. Moscow: Forum. 368 p. In Russian.

Vasiliev M. A. (1926) Program for collecting Russian folklore. Kazan. P. 42. (Society of Archeology, History and Ethnography at the Kazan State University named after V. I. Ulyanov-Lenin). In Russian.

Vereshchagin G. E. (1886) Votyaki of Sarapul Uyezd of Vyatka province // IRGO. St. Petersburg, T. 14, Issue 3 Votyaki Sosnovsky edge // IRGO. St. Petersburg, T. 14, Issue 2. In Russian.

Georgi I. G. (1799) Description of all peoples inhabiting the Russian state... St. Petersburg. Part 2. Pp. 55–67. In Russian.

Ivanova T. G. (1993) Russian folkloristics of the early twentieth century in biographical sketches. St. Petersburg. In Russian.

Ivanova T. G. (2009) The history of Russian folklore of the twentieth century: 1900 — first half of 1941. St. Petersburg. In Russian.

Materials for Ethnography of Russia (1870) Kazan Province XIV. Colonel A. F. Rittich compiled. Part 1, Kazan, 1870. C. I–II. In Russian.

Nikiforov A. I. (1926) Ethnography in the school, with the application of 66 programs for students and students in collecting material in various fields of ethnography and folklore. Moscow-Leningrad: State Publishing House, 1926. 42 p. (“The Teacher’s Library” series). In Russian.

Pallas P. S. (1788) Travel to different provinces of the Russian Empire. St. Petersburg. Part 3. Pp. 29–37. In Russian.

Program for collecting works of folk literature (1915) 2nd ed. Moscow, 1915. P. 3. In Russian.

Program for collecting ethnographic information, compiled at the Ethnographic Department of the Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography (1889) Ed. N. Yanchuk. Moscow. 147 p. In Russian.

Russian folklorists: Biobibliographic dictionary (2016) / Ed. T. Ivanova. T. 1: A. St. Petersburg, 2016. In Russian.

Rychkov P. I. (1762) Orenburgian Topography. St. Petersburg. Part 1. Pp. 183–187. In Russian.

Rychkov N. P. (1770) Magazine or day notes of the journey of Captain Rychkov to different provinces of the Russian state in 1769 and 1770. St. Petersburg. P. 1. In Russian.

Sboev V. A. (1856) Studies of aliens of the Kazan province. Kazan, 1856. In Russian.

Sboev V. A. (2007) Notes about the Chuvashes. Studies of aliens of the Kazan province. Cheboksary: Cheboksary Publishing House, 2004. In Russian.

A collection of information for studying the everyday life of the peasant population of Russia. (customary law, rituals, beliefs, etc.) (1889) // Proceedings of the ethnographic department of the Imperial Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography. Book. 9., Issue 1 Moscow. In Russian.

Smirnov I. N. (1889) Cheremis. Historical and ethnographic essay. Kazan, 1889. In Russian.

Smirnov I. N. (1891) Tasks and significance of local ethnography. Kazan, 1891. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Pozdeev V. A. orcid.org/0000-0002-2880-8162

E-mail: slavapozd@yandex.ru

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian
and Foreign Literature and Methods of Teaching

Vyatka State University

36 Moskovskaya st., Kirov, 610000, Russian Federation
